

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА: ФАКТОРЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Анна Матвеева

УДК: 8+82+821+821.16.

Ключевые слова:
литературная репутация,
коллективная память,
Фаддей Булгарин.

Аннотация

В статье предпринимается попытка выяснить причины, по которым Фаддей Булгарин остался в памяти общества как отрицательный персонаж. Поскольку формирование литературной репутации связано с механизмами образования коллективной памяти, этот кейс был проанализирован через призму *memory studies*. В результате изучения ряда работ, в частности «Литературной биографии в историко-культурном контексте» Ю.М. Лотмана, было сделано следующее предположение: заслуги Булгарина не были зафиксированы в коллективной памяти, поскольку из-за дихотомического характера ее формирования литератор закрепился как антипод А.С. Пушкина. Это свойство культурной памяти является механизмом установки общественных норм; соответственно, Пушкин выдвигается как пример поведения, а Булгарин — как антипример.

The Literary Reputation of Thaddeus Bulgarin: Factors of its Formation

Anna Matveeva

Keywords:
literary reputation,
collective memory,
Thaddeus Bulgarin.

Abstract

The author of the article aims to find the reasons why Thaddeus Bulgarin remained a negative personality in the memory of society. Since the development of a literary reputation is associated with the mechanisms of collective memory formation, this case was analyzed through a lens of memory studies. Having researched several sources such as *Literary Biography in Historical and Cultural Context* by Y. Lotman, we made the assumption: Bulgarin's contribution did not remain in the collective memory, since the later is a dichotomous formation, and, therefore, he was recorded as the antipode of A. Pushkin. Such a feature of the collective memory is a key factor for setting social norms; thus, while Pushkin is viewed as a good example of behavior, Bulgarin's role model is considered to be negative.

То, каким писатель остается в памяти общества, очень мало зависит от него самого. Процесс создания образа автора не так легко контролировать, из-за чего его литературная репутация, складывающаяся в различных сообществах, бывает довольно несправедливой. О такой особенности ее формирования пишет в своей работе Юрий Лотман [Лотман 1992]. Исследователь утверждает, что литературная биография опирается скорее на мифы, нежели на факты из жизни автора [Лотман 1992: 367]. Лотман также отмечает, что для литературного сообщества 1840-х годов «биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество», поскольку личность автора в то время стала залогом доверия к тексту. Таким образом, эта тенденция обязывала писателей реализовывать и в жизни то, что они «проповедовали» в искусстве [Лотман 1992: 374].

Несправедливость формирования литературной репутации можно увидеть на примере Ф.В. Булгарина. Сейчас может быть довольно непросто убедить человека, который знает о существовании этого автора, что он не был плохим писателем и дурным человеком. В этой статье будут рассмотрены причины, по которым литературная репутация Булгарина сформировалась таким образом, что писатель остался в коллективной памяти общества конца XIX — начала XX веков как отрицательная фигура [Рейтблат 2016: 5], несмотря на свои заслуги перед русской словесностью. Много об этом уже было сказано в статье Абрама Рейтבלата [Рейтблат 2016], которая стала отправной точкой предпринятого исследования. Мы попробуем развить тезисы этой работы, а также осмыслить особенности формирования литературной репутации Булгарина с позиций *memory studies*.

Неоднозначность фигуры Фаддея Булгарина

Репутация Булгарина была двоякой: успешный издатель и писатель, но в то же время доносчик, если не сказать предатель. Литературный мир наполнился слухами о нем, его презирали; и такое отношение современников наложило отпечаток на последующее восприятие фигуры Булгарина [Рейтблат 2016: 3]. Впрочем, как это часто бывает, одни слухи не имели под собой оснований, а другие — искажали факты. Все это обусловило создание вокруг писателя негативного ореола, закрепившегося в памяти современников автора и следующих поколений. Таким образом, в литературной репутации Булгарина не осталось места для его достижений в качестве писателя, поскольку их затмили подробности частной жизни. Например,

в кулуарах литературных салонов современники нередко называли Булгарина предателем, перебежавшим на сторону Наполеона во время войны 1812 года [Рейтблат 2016: 6]. Подробно этот слух рассматривает Абрам Рейтблат [Рейтблат 2016], описывая некоторые аспекты неоднозначных мест биографии литератора и пытаясь объективно оценить его фигуру. Так, Рейтблат комментирует историю военной службы Булгарина следующим образом. Действительно, в 1806 году писатель присоединяется к армии в войне против французов, однако в 1812 году он сражается уже на стороне Наполеона. Этот факт, на первый взгляд, говорит о том, что писателя заботило не общее дело, а скорее свой корыстный интерес, но произошедшему есть и другое объяснение. Дело в том, что во время Тильзитского мира на территории современной Польши было создано Варшавское герцогство под покровительством Наполеона. Это давало полякам надежду на восстановление своей страны. Это естественно, что Булгарин стал воевать на благо своего отечества, поскольку был патриотом. При этом писатель, вопреки слухам, разошедшимся по литературному сообществу, не предавал Россию, так как состоял в армии Наполеона, когда Российская империя и Франция были союзниками [Рейтблат 2016: 6].

Неоднозначен с точки зрения морали и самый «темный» и, вероятно, самый известный факт биографии Булгарина — его сотрудничество с Третьим отделением. Правление Николая I, в частности его политика в отношении цензуры, представляло угрозу для литературной и тем более для издательской деятельности, которой увлекался Булгарин. Чтобы не потерять возможность заниматься своим делом, писатель решил приспособиться к ситуации в стране, оповещая императора о том, что происходит в литературном сообществе. И хотя Булгарин действительно подготавливал докладные записки на различные темы (например, о распространении социалистических идей в России, о взглядах выпускников Царскосельского лицея и членов «Арзамаса», о роли «австрийской интриги» в подготовке декабристского восстания и т.д.), Рейтблат отмечает, что литератор не называл конкретных имен. Обычно Булгарин придерживался темы записки, не говоря об отношении к власти или политических взглядах той или иной личности [Рейтблат 2016: 9].

Эти и другие факты биографии Булгарина, которые часто являлись лишь слухами, затмили память о том, что он сделал для русской литературы. Кратко перечислим его заслуги. Во-первых, он ввел новые жанры, такие как авантюрный плутовской и фантастический романы; во-вторых, начал издавать первую негосударственную газету с политическим разделом [Рейтблат 2016: 5]; в-третьих,

Булгарин основал русскую беллетристику, нацеливаясь в своей литературной деятельности на массового читателя и отбросив ориентацию на дворянский эстетизм и аристократичность [Долгих, Пучкова 2021: 14], [Васильева 2008: 54].

Роль анекдотов и эпиграмм в формировании литературной репутации Фаддея Булгарина

Негативной мифологизации Булгарина, помимо неоднозначности его биографии, способствовало также большое количество анекдотов и эпиграмм о нем. Юрий Лотман отмечает, что литературная биография раньше зачастую складывалась из послужного списка и анекдота [Лотман 1992: 373]. Ни первый, ни второй фактор не может представить Булгарина в выгодном свете. Сложную ситуацию с его военной службой и характеристику, которую давали этой части биографии писателя его современники, мы уже отмечали выше, а теперь рассмотрим влияние анекдотов и эпиграмм о Булгарине на его литературную репутацию. Известен такой анекдот из литературного быта, объединивший в себе фигуры подлинного писателя и его антипода: «А.С. Пушкину предлагали написать критику исторического романа г. Булгарина. Он отказался, говоря: “Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь”» [Курганов, Охотин 1990: 217].

Изначально цель анекдота — «объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели» [Кошанский 1832: 65–66]. В случае с Булгариным анекдот обычно демонстрирует не добродетель, а пороки. К характеристикам анекдота, как отмечает Ефим Курганов, также относится установка на историчность [Курганов 1995: 21]. Конечно, основой анекдота часто становится невероятный случай, однако ориентация на достоверность в этих текстах все равно сохраняется. Такую установку на историчность, характерную для этого жанра, следует воспринимать не буквально, а как отпечаток нравов и привычек эпохи, ее быта в анекдоте [Курганов 1995: 36].

В приведенном выше примере завязку составляет тот факт, что Булгарин написал исторический роман. Действительно, он создал большое количество произведений этого жанра (например, романы «Мазепа», «Дмитрий-Самозванец», «Эстерка»). При этом в анекдоте также подразумевается, что романы Булгарина написаны плохо — потому Пушкин и не надеется, что сможет их прочитать. Установка на историчность анекдота и объяснение характера героя и его произведений способствуют тому, что человек, который мало знает о Булгарине и слышит приведенный выше анекдот, начинает задумываться

о том, насколько качественно в действительности пишет этот литератор. Анекдоты так или иначе создают вокруг своих героев определенный ореол, а поскольку в случае Булгарина большая часть этих историй показывала его отрицательные качества, то и фигура этого писателя начала восприниматься как негативная. Тем не менее в основе анекдотов всегда лежат стереотипы, так как для их существования необходимо, чтобы как можно бóльшая аудитория смогла понять их и оценить [Миндадзе 2005]. Именно из-за этого такие истории являются в первую очередь следствием негативного восприятия Булгарина, а не его причиной. Однако неизбежная циркуляция анекдотов в обществе способствует формированию определенного отношения к героям этих историй [Миндадзе 2005]. Поэтому весьма вероятно, что анекдоты все же повлияли на литературную репутацию Булгарина, закрепив за ним сложившийся образ.

Помимо анекдотов, о Булгарине писали множество эпиграмм. Оба жанра были популярны в пушкинскую эпоху [Курганов 1995: 20]. Кроме того, фигура этого автора хорошо вписывалась в тематику таких текстов начала XIX века. Именно в это время русская эпиграмма сосредотачивалась не на выявлении нравственных пороков общества и отдельных личностей, а на изобличении литераторов, лишенных эстетического вкуса [Леонов 2006: 11]. Так произошло и в случае с Булгариным: эпиграммы на него в первую очередь утверждают эстетическую несостоятельность его произведений, хотя в то же время обличают пороки души писателя (лицемерие, трусость, подхалимство и др.). Например, в следующей эпиграмме Евгения Баратынского литературная деятельность Булгарина описывается как «марание листа», которой кроме несовершенств на формальном уровне присущи также «чепуха и враки» в содержательном плане:

Он точно, он бесспорно,
Фиглярин журналист,
Марающий задорно
Свой оглашенный лист.
А это что за дура? —
Ведь истина, ей-ей!
Давно ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьём наведена,
Занятиям мараки
Мешать пришла она
[Баратынский 1827: 5].

Булгарин становился героем эпиграмм за авторством не только Пушкина и Баратынского, но и Лермонтова, Вяземского, Некрасова и др. Их произведения входят в литературный канон, а потому кажется естественным, что их эпиграммы способствовали закреплению отрицательного образа Булгарина в коллективной памяти.

Литературные анекдоты в каком-то смысле принадлежат фольклорной традиции. Тем не менее они имеют авторов, а значит, как и эпиграммы, все же являются частью литературы. К функциям последней относится закрепление тех или иных фактов в памяти сообществ через трансляцию прошлого в форме нарратива [Нечаева 2020]. Существование анекдотов и эпиграмм с акцентом на отрицательных характеристиках Фаддея Булгарина закрепляет его в историческом нарративе как человека низких моральных принципов, ведь подобные малые формы становятся известны следующим поколениям, а произведения, восхваляющие Булгарина, практически не дошли до потомков.

Влияние дихотомической структуры коллективной памяти на литературную репутацию Фаддея Булгарина

Понятие «коллективная память» очень важно для рассмотрения феномена литературной репутации. Соотнесенность этих двух категорий отмечает Лотман в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)». Он говорит, что все биографии объединяет одно и то же: они фиксируются в коллективной памяти общества [Лотман 1992: 365]. В итоге литературная репутация (или литературная биография) становится одной из составляющих коллективной памяти, что позволяет сделать вывод, что у этих категорий должны быть схожие механизмы формирования. Рассмотрим один из них, наиболее важный для кейса Булгарина.

Морис Хальбвакс отмечает следующую черту образования коллективной памяти: прежде чем сложиться определенным образом в общественном сознании, она проходит через призму простых дихотомий, в результате чего образы прошлого делятся на «сакральные» (образцы для подражания) и «профанные» (дурной пример) [Хальбвакс 2007: 233]. Это значит, что события закрепляются в коллективной памяти так, чтобы их можно было использовать как источник нравственной рефлексии, в результате которой поколения смогут

извлекать уроки из прошлого [Трубина 2009: 905]. То есть коллективная память становится одной из основ социального порядка, подкрепляя определенные общественные нормы.

О схожем принципе пишет и Лотман, отмечая, что общество сохраняет только память о нормах, которые всегда безличны (при этом само следование им не сохраняется в коллективной памяти), однако нарушители этих норм не забываются [Лотман 1992: 367]. Иными словами, запоминаются лишь люди, отличающиеся «“необычным” поведением, нарушающие [общественную] норму» [Лотман 1992: 367]. Литературная деятельность Булгарина, respectable издателя, писателя и журналиста, не нарушала современную ему норму, а потому и не оставила заметного следа. Однако Булгарин нарушал моральные принципы в своей частной жизни (перебежничество на войне, доносы на коллег и т.п.) — именно благодаря этим поступкам, а не литературным свершениям, он и остался в коллективной памяти.

При рассмотрении кейса Булгарина, конечно, можно изучить современную автору критику его произведений¹ и сделать вывод, что творчество этого писателя не отличалось мастерством слога. Получается, что он в любом случае не попал бы в канон, даже если его биография была бы безупречна с этической стороны. Однако в качестве аргумента против такого осмысления формирования литературной репутации нам хотелось бы привести интеллектуальный диалог, произошедший в 1820-х годах между Пушкиным и «московскими юношами», и в том числе обсуждение последними проблемы гениальности. Наталья Мазур пишет, что главным «чужим» кандидатом на эту роль для круга «Московского вестника» был Пушкин, однако они были недовольны деятельностью будущего «гения русской поэзии» по нескольким причинам и отказывались называть его таковым [Мазур 2001]. Во-первых, в своем творчестве Пушкин в основном не преследовал дидактических целей, тогда как «московские юноши» считали, что воспитание читателя — это одна из важнейших функций литературы [Мазур 2001]. Во-вторых, Пушкин не был образцом поведения, а этическое совершенство личности литератора было важным критерием для определения его как «гения» в концепции круга «Московского вестника» [Мазур 2001].

1. Приведем несколько примеров: В.А. Жуковский: «У него есть что-то похожее на слог и, однако, нет слога, есть что-то похожее и на талант, хотя нет таланта» [Киреевский 1861: 23]; А.С. Пушкин: «Фаддей Венедиктович, кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как Выжигин в различных изменениях, <...> [даже] собственные записки и нравственные статейки — все сбивается на тот же самый предмет»; вероятно, П.А. Вяземский: «Такие или подобные нравственно-сатирические обвинения бывали, однако ж, у нас, и именно в статьях г. Булгарина. Большая часть из них писана была, как по всему видно, на скорую руку, для наполнения пустого места в журнале» [Федотова 2001: 454–456].

Тем не менее, как мы знаем, этот спор не повлиял на признание Пушкина. Вероятно, этого не случилось потому, что «московские юноши» не имели значительного влияния в литературной среде.

В то же время, несмотря на непризнание кругом «Московского вестника», сам Пушкин, полемику с которым вел Булгарин, имел огромное влияние не только на современный ему литературный процесс, но и на всю последующую русскую литературу. Пушкина уже при жизни называли гением [Рейтблат 2001: 53] и образывали вокруг него культ личности [Щеголев 1930: 184–195]². Именно поэтому, как нам кажется, у Булгарина не получилось преодолеть его критику и остаться в коллективной памяти писателем, много сделавшим для русской литературы.

Пушкин, оказавшись в самом центре литературного канона, поспособствовал тому, чтобы сохранилась память и о его окружении. Из-за того, что Фаддей Булгарин опосредованно оказался в каноне как его соперник, это стало самой важной характеристикой оппонента «гения русской поэзии», а его деятельность оказалась забыта. Таким образом получилось, что из-за фигуры Пушкина фокус с литературной идентичности Булгарина сместился на его частную жизнь. Кроме того, поскольку первый из них воспринимается человеком, выросшим в русской культуре, как авторитет, то естественно, что в сознании этого человека будет далее выстраиваться бинарная оппозиция между Пушкиным и Булгариным. «Враг» Пушкина автоматически считается плохим человеком, ведь он идет против «солнца русской поэзии».

Методологически этот феномен можно обосновать склонностью коллективной памяти к дихотомическому запоминанию, о котором пишет Хальбвакс [Хальбвакс 2007: 321]. Пушкин в этом случае выступает как пример поведения для общественности — честный борец за свободу, готовый защищать свое отечество и своих сограждан. Булгарин же в этой бинарной оппозиции выдвигается как антипример — трусливый, двуличный эгоист, для которого ничего не стоит совершить предательство, если речь идет о его собственной выгоде.

Подведем итоги. Катализатором отрицательной литературной репутации Булгарина стала неоднозначность фактов, из которых состоит его биография, что и дало возможность оппонентам литератора негативно интерпретировать его деятельность.

2. При этом формированию именно такой литературной репутации этого автора способствовали следующие факторы: поддержка литературных сообществ и власти, успешная продажа его произведений, вызывающее поведение писателя и проч. [Рейтблат 2001: 69].

В результате догадки переросли в анекдоты и эпиграммы, которые, в свою очередь, позволили, во-первых, закрепить негативную литературную репутацию Булгарина в современном ему литературном сообществе, а во-вторых, сохранить в коллективной памяти и, соответственно, донести до потомков идею о Булгарине как об антигерое русского литературного процесса.

Несмотря на то что Булгарин мог и не быть злодеем как таковым, существует большая вероятность, что мы не сможем объективно оценить его фигуру. Мы не узнаем, каким человеком он был на самом деле: как утверждает историк Павел Уваров, понять человека нам помогают не пачки документов о нем и не информация, в них содержащаяся, — мы постигаем человека неожиданно, схватив в позе или фразе то, «чего не могли уловить в многочисленных прежних наблюдениях» [Уваров 2000: 19].

Список литературы

1. [Баратынский 1827] — *Баратынский Е.А.* Журналист Фиглярин и Истина // Московский Телеграф. 1827. № 15. С. 5.
2. [Васильева 2008] — *Васильева С.В.* Театрально-критическая деятельность Ф.В. Булгарина в газете «Северная пчела» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 63. С. 54–57.
3. [Долгих, Пучкова 2021] — *Долгих А.Н., Пучкова Е.И.* Ф.В. Булгарин и рождение «массовой культуры» в России: к постановке вопроса // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. № 3. С. 7–16.
4. [Киреевский 1861] — *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.: Типография П. Бахметева, 1861. 318 с.
5. [Кошанский 1832] — *Кошанский Н.Ф.* Частная реторика. СПб.: Тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1832. 152 с.
6. [Курганов 1995] — *Курганов Е.И.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. Дис. ... канд. филол. наук. Хельсинки, 1995. 278 с.
7. [Курганов, Охотин 1990] — *Курганов Е.И., Охотин Н.Г.* Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М.: Художественная литература, 1990. 270 с.
8. [Леонов 2006] — *Леонов И.С.* Поэтика русской эпиграммы XVIII — начала XIX веков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с.
9. [Лотман 1992] — *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Избранные статьи в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 365–376.

- 10.[Мазур 2001] — *Мазур Н.Н.* Пушкин и «московские юноши»: во-круг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Сост. и ред. Дэвид М. Беттеа, А.Л. Осповат, Н.Г. Охотин и др. М.: ОГИ, 2001. С. 54–105. Цит. по эл. публикации. URL: [link](#) (дата обращения: 16.10.2021).
- 11.[Миндадзе 2005] — *Миндадзе И.* Коллективная память и само-бытность группы // Heinrich Boell Foundation Tbilisi Office. South Caucasus Region. 15.01.2005. URL: [link](#) (дата обращения: 02.01.2022).
- 12.[Нечаева 2020] — *Нечаева А.А.* Теоретико-методологические под-ходы к анализу коллективной памяти в мемори стадииз // Дискурс. 2020. № 3. С. 46–63.
- 13.[Рейтблат 2001] — *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пуш-кинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
- 14.[Рейтблат 2016] — *Рейтблат А.И.* Видок Фиглярин (История од-ной литературной репутации) // Рейтблат А.И. Фаддей Венедик-тович Булгарин: Идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 3–15.
- 15.[Трубина 2009] — *Трубина Е.Г.* Множественная травма // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 901–911.
- 16.[Уваров 2000] — *Уваров П.Ю.* Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // «Казус»: индивидуальное и уникальное в истории. 2000. № 3. С. 15–32.
- 17.[Федотова 2001] — *Федотова С.Б.* Примечания к статьям «Литера-турной газеты» и «Северных цветов» // Пушкин в прижизнен-ной критике, 1828–1830. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 2001. С. 454–456.
- 18.[Хальбвакс 2007] — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 19.[Щеголев 1930] — *Щеголев П.* Обожатели Пушкина // Московский пушкинист. 1930. № 2. С. 184–195.

Анна Николаевна Матвеева
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (Москва),
Факультет гуманитарных наук,
образовательная программа
«Филология»
biodegr8able@gmail.com

Anna Matveeva
HSE University (Moscow),
Faculty of Humanities,
BA programme in Philology
biodegr8able@gmail.com